

·thebigbook·

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

СОБИРАТЕЛИ
РАКУШЕК

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
П 32

Rosamunde Pilcher
THE SHELL SEEKERS
Copyright © 1987 by Rosamunde Pilcher
All rights reserved
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency.

Перевод с английского
Ирины Архангельской, Инны Бернштейн,
Юлии Жуковой, Галины Здорных

Оформление обложки Владимира Гусакова

- © И. М. Бернштейн (наследник), перевод (пролог, гл. 1–5), 2019
- © Ю. И. Жукова, перевод (гл. 6–9), 2019
- © И. П. Архангельская (наследник), перевод (гл. 10–11), 2019
- © Г. В. Здорных (наследники), перевод (гл. 12–16), 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-14060-8

*Посвящается моим детям
и детям моих детей*

ПРОЛОГ

Такси, старый «ровер», пропахший сигаретным дымом, не спеша ехало по пустынной загородной дороге. Был самый конец февраля, холодный сказочный зимний день в белом инее, под бледным, ясным небом. Солнце светило, протягивая тени, но не дарило тепла, и вспаханные поля лежали твердые, как камень. Над крышами разбросанных тут и там ферм и каменных домишек из труб отвесными столбами восходил дым. У кормушек с сеном толпились овцы, обремененные отросшей шерстью и будущими ягнятами.

Пенелопа Килинг, сидя на заднем сиденье, смотрела сквозь пыльные стекла. Никогда еще давно знакомые ей места не казались такими красивыми.

Дорога круто изогнулась, здесь стоял дорожный столб, указывающий направление на Темпл-Пудли. Шофер притормозил, со скрипом переключил скорость, и машина, свернув, покатила с прискоком под гору между высокими стенами колючей живой изгороди. И вот уже деревня — домики из золотистого котсуолдского песчаника, газетный киоск, мясная лавка, пивная «Сьюдли Армз» и церковь в глубине за старинным кладбищем и строем пристойно сумрачных тисов. Народу почти не видно. Школьники все на занятиях, остальных на улицу не пустил холод. Только один старик, руки в варежках, на шее шарф, прогуливает дряхлого пса.

— Который дом? — через плечо спросил таксист.

Она нетерпеливо подалась вперед, волнуясь бог знает почему.

— Еще совсем немножко проехать. Через деревню. Белые ворота справа. Вон, видите? Распахнутые. Приехали!

Таксист въехал в ворота и остановился у заднего крыльца.

Пенелопа вылезла из машины, кутаясь от холода в синюю накидку. Достала из сумочки ключ и пошла отпирать дверь. Водитель у нее за спиной, поднатужившись, открыл багажник и достал ее маленький чемодан. Она обернулась, протянула за чемоданом руку, но он не отдал и озабоченно спросил:

— Вас что же, некому встретить?

— Некому. Я живу одна, и все думают, что я еще в больнице.

— А вы как, ничего? Одна управитесь?

Она посмотрела в его доброе лицо. Совсем молодой, волосы густые, светлые.

— Ну конечно, — улыбнувшись, ответила она.

Он помялся, видно опасаясь быть навязчивым. Потом все-таки сказал:

— Хотите, я могу внести вещи в дом. Наверх втащить, если надо.

— Большое спасибо, вы очень любезны. Но я могу все сама...

— Мне ничего не стоит.

Он вошел вслед за ней в кухню. Она открыла дверь и проводила его вверх по узкой деревянной лестнице. В доме стоял запах стерильной чистоты. Миссис Плэккетт, дай ей Бог здоровья, в отсутствие Пенелопы не теряла времени даром. Она любит, когда хозяйки нет дома, — можно переделать уйму дел: вымыть белые перильца лестницы, откипятить пыльные тряпки, перечистить медь и серебро.

Дверь спальни была приоткрыта. Пенелопа вошла, молодой человек следом. Он поставил чемодан на пол.

— Могу я что-нибудь еще для вас сделать?

— Нет. Абсолютно ничего. Сколько с меня?

Он, слегка смущаясь, назвал сумму, будто ему об этом неловко было говорить. Она заплатила и оставила ему сдачу. Он поблагодарил, и они спустились обратно в кухню.

Но он медлил, не уходил. Ей подумалось, что, наверное, у него есть бабушка ее возраста, за которую болит душа.

— Вам ничего больше не надо?

— Уверяю вас, нет. А завтра придет моя приятельница миссис Плэккетт. И я уже буду не одна.

Это его почему-то успокоило.

— Ну, я пошел тогда.

— До свидания. И спасибо вам.

— Не стоит благодарности.

Он уехал, а она вернулась в дом и закрыла за собой дверь. Одна. Какое облегчение! Дома. В своем доме, среди своих вещей, на своей кухне. Гудела колонка отопления, давая блаженное тепло. Пенелопа расстегнула крючки накидки, сбросила ее на спинку стула. На чисто выскобленном кухонном столике стопкой лежала почта; Пенелопа перебрала ее, но не нашла ничего важного или занимательного и, оставив все как было, открыла стеклянную дверь в зимний сад. Мысль, что любимые цветы, может, погибают от холода или жажды, все эти последние дни не давала ей покоя, но миссис Плэккетт их тоже не обошла своей заботой. Земля в горшках была влажная, рыхлая, зелень яркая, здоровая. На ранней герани появилась шляпка крохотных бутонов, гиацинты подросли на три дюйма, не меньше. За стеклом виднелся настоящий сад, скованный инеем, голые ветки — как кружево на фоне блеклого неба, но и там во мху под каштаном уже белели подснежники и золотились верхние чашечки аконитов.

Пенелопа возвратилась в кухню и поднялась наверх. Она хотела было распаковать чемодан, но вместо этого позволила себе роскошь просто послоняться по комнатам и порадоваться возвращению домой. Она открывала дверь за дверью, оглядывала каждую комнату, смотрела в каждое окно, трогала мебель, поправляла занавески. Все на своих местах. Ни малейших перемен. Наконец, снова спустившись вниз, она взяла из кухни почту и, пройдя через столовую, расположилась в гостиной. Здесь собрано все самое ценное, что у нее есть: письменный стол, цветы и картины. В камине лежала растопка. Пенелопа чиркнула спичкой и, опустившись на колени, подожгла газету. Побежал огонек, вспыхнули и затрещали лучины, она уложила сверху поленья, и языки пламени взметнулись к дымоходу. Теперь дом окончательно ожил, и, когда это приятное дело было сделано, не осталось больше причины откладывать звонок кому-нибудь из детей с признанием в своем поступке.

Но которому звонить? Пенелопа сидела в своем кресле и раздумывала. Вообще-то, надо бы позвонить Нэнси, она старшая и считает, что несет всю ответственность за мать. Но Нэнси при-

дет в ужас, всполошится, набросится с упреками. И Пенелопа решила, что еще не настолько хорошо себя чувствует, чтобы разговаривать с Нэнси.

Тогда Ноэль? Может быть, ему следует оказать предпочтение как единственному мужчине в семье? Но мысль о том, чтобы обратиться за помощью или советом к Ноэлю, была смехотворна. Пенелопа даже улыбнулась. «Ноэль, я вышла из больницы под расписку и нахожусь дома». На это сообщение он, вероятнее всего, отзовется односложно: «Да?»

И она поступила так, как с самого начала знала, что поступит. Сняла трубку и набрала лондонский рабочий номер Оливии.

— «Ве-не-ра», — пропела телефонистка название журнала.

— Не могли бы вы соединить меня с Оливией Килинг?

— Ми-ну-точку.

Пенелопа ждала.

— Секретарь мисс Килинг слушает.

Дозвониться на работу Оливии почти так же трудно, как к президенту Соединенных Штатов.

— Можно мне поговорить с мисс Килинг?

— К сожалению, мисс Килинг сейчас на совещании.

— За круглым столом у директора или у себя в офисе?

— У себя в офисе... — В голосе секретарши слышалось вполне естественное замешательство. — Но у нее посетители.

— Тогда, будьте добры, прервите ее. Это ее мать, у меня срочное дело.

— А... подождать никак нельзя?

— Ни минуты, — твердо ответила Пенелопа. — Я ее долго не задержу.

— Ну, хорошо.

Опять ожидание. Наконец голос Оливии:

— Мамочка?

— Прости, что оторвала тебя.

— Мамочка, что-то случилось?

— Нет, все в порядке.

— Слава тебе господи! Ты из больницы говоришь?

— Нет, из дому.

— Из дому? Когда ты успела очутиться дома?

— Сегодня, примерно в половине третьего.

— Но ведь тебя собирались продержат там по крайней мере неделю!

— Да, собирались. Но я так соскучилась и устала, ночью глаз не сомкнула, а напротив меня лежала старушка, она не закрывала рта, все время говорила, говорила, вернее, бредила, бедняжка. Ну, я и сказала доктору, что не выдержу больше ни секунды, собрала свои пожитки и уехала.

— Вышла под расписку, — сокрушенно, но без тени удивления произнесла Оливия.

— Именно так. Я чувствую себя совершенно нормально. Взяла хорошее такси с очень милым водителем, и он привез меня домой.

— А доктор разве не возражал?

— Громогласно! Но воспрепятствовать мне не мог.

— Ну, мамочка, — в голосе Оливии был сдавленный смех, — безобразница ты. Я собиралась на этот уик-энд приехать к тебе в больницу. Знаешь, привезти фунт винограда и самой же все съесть.

— Ты можешь приехать сюда, — сказала Пенелопа и сразу же раскаялась: не получилось бы слишком просительно, жалобно, будто ей скучно и одиноко.

— Ну-у... если у тебя действительно все в порядке, я бы, пожалуй, отложила несколько свой визит. Честно сказать, я на этой неделе ужасно занята. Мамочка, а Нэнси ты уже звонила?

— Нет. Думала позвонить, но потом струсила. Ты ведь знаешь, какая она. Поднимет шум. Позвоню завтра, когда в доме будет миссис Плэкетт, тогда меня уже нельзя будет выбить с укрепленных позиций.

— А как ты себя чувствуешь? Только честно.

— Совершенно нормально. Просто, как я уже сказала, не выспалась.

— Ты не будешь перетруждаться, обещаешь? Не ринешься в сад срочно рыть канавы и пересаживать деревья?

— Нет, не буду, да и земля еще мерзлая, как камень.

— Слава богу хоть за это. Мамочка, я должна идти, у меня тут коллега в кабинете...

— Знаю. Твоя секретарша сказала. Прости, что я оторвала тебя, но мне хотелось, чтобы ты знала, что происходит.

- Хорошо, что позвонила. Будем держать связь. А ты побалуй себя немножко.
- Обязательно. До свидания, моя дорогая.
- До свидания, мамочка.

Пенелопа поставила телефон на стол и откинулась в кресле.

Ну вот. И больше никаких дел. Она вдруг почувствовала, что безумно устала. Но то была приятная усталость, которую утоляла, успокаивала знакомая обстановка, как будто дом — это добрый человек, как будто ее обняли за плечи любящие руки. Сидя в своем глубоком кресле в обогретой, полуосвещенной камином комнате, Пенелопа с удивлением испытала давно забытое ощущение беспричинного счастья. Это потому, что я жива. Мне шестьдесят четыре года, и у меня, если верить этим дуракам-докторам, только что был инфаркт. Или что-то вроде того. Но я осталась жива, и теперь это в прошлом. Я никогда больше не буду об этом ни говорить, ни думать. Потому что я жива. Могу чувствовать, осязать, видеть, слышать, обонять; могу позаботиться о себе, выйти под расписку из больницы, взять такси и приехать домой. В саду проглянули первые подснежники, и весна идет. И я ее увижу. Я буду любоваться этим ежегодным чудом и чувствовать, как с каждой неделей все теплей становятся солнечные лучи. А я жива и смогу видеть все это и принять участие в чудесном преображении.

Ей вспомнилась острога обаятельного Мориса Шевалье¹, который на вопрос, как ему нравится быть семидесятилетним, ответил: «Терпимо. Если учесть, какая этому существует альтернатива».

Пенелопа Килинг чувствовала себя даже в тысячу раз лучше, чем терпимо. Теперь ее жизнь — не просто существование, которое принимаешь как должное, а премия, добавка, и каждый предстоящий день сулит радостное приключение. Время не будет тянуться вечно. Я не растрочу впустую ни одной секунды, пообещала Пенелопа себе. Она никогда еще не ощущала в себе столько силы и оптимизма. Словно она снова молода, только начинает жить и вот-вот должно случиться что-то чудесное.

¹ Французский певец и актер (1888–1972).

НЭНСИ

Иногда она с горечью думала, что у нее, Нэнси Чемберлейн, любое, самое простое и невинное предприятие неизбежно наталкивается на досадные осложнения.

Вот, например, сегодня. Пасмурный мартовский день. Она всего-то только и собиралась завтра сесть в поезд, отправляющийся в 9.15 из Челтнема, поехать в Лондон, пообедать с сестрой Оливией, может быть, забежать в «Хэрродс»¹ — и вернуться обратно домой. Уж кажется, не преступный замысел. Она не намеревалась транжирить деньги и не на свидание к любовнику ехала, а скорее по велению долга; надо было кое-что обсудить, принять ответственные решения; тем не менее стоило ей заикнуться домашним о своих планах, как обстоятельства сразу же сплоченными рядами выстроились у нее на пути и она столкнулась с возражениями и, что еще хуже, с таким непониманием, что вырывалась из дому уже словно из горящего здания.

Накануне вечером, договорившись с Оливией по телефону о встрече, она пошла искать детей. Они оказались в маленькой гостиной, которую Нэнси предпочитала величать библиотекой, — валялись на диване у камина и смотрели телепередачу. У них была комната для игр с телевизором, но в ней отсутствовал камин и стоял смертельный холод, да и телевизор там был старый, черно-белый, так что, естественно, они почти все время проводили здесь.

— Мои хорошие, я должна завтра ехать в Лондон, встретиться с тетей Оливией и поговорить с ней насчет бабушки Пен...

— Если ты уедешь в Лондон, кто же отвезет перековать Молнию?

¹ Дорогой универсальный магазин.

Это возражение поступило от Мелани. Она говорила, не вынимая изо рта кончик косы и не спуская взгляда с телевизора, где во весь экран бесновался знаменитый рок-певец. У четырнадцатилетней Мелани был сейчас, как успокаивала себя ее мать, трудный возраст.

Вопрос этот Нэнси предвидела и была к нему готова.

— Я попрошу Крофтвея, он должен сам управиться.

Крофтвей был вечно насупленный садовник и мастер на все руки, проживавший вдвоем с женой в квартирке над конюшней. Лошадей он терпеть не мог и постоянно наводил на них ужас громким голосом и неумелым обращением, однако заниматься ими входило в его обязанности, что он с неохотой и делал — втаскивал взмысленных коней в клеть для перевозки и с таким громоздким грузом гнал грузовик на всевозможные скачки и мероприятия детского конного клуба. В этих поездках он у Нэнси назывался грумом.

Вслед за сестрой и одиннадцатилетний Руперт выступил со своим возражением:

— Я сговорился зайти к Томми Робсону. У него есть интересные футбольные журналы, он сказал, что даст мне их почитать. Кто же меня привезет домой?

Нэнси в первый раз о таком уговоре слышала. Стараясь изо всех сил не терять хладнокровия и понимая, что предложить перенести этот визит на другой день значит вызвать стоны и вопли: «Так нечестно!», она подавила досаду и сказала как можно более ровным голосом, что домой он сможет приехать на автобусе.

— Да-а, а на остановку пешком идти!

— Ну там же всего четверть мили, — заметила Нэнси и примирительно улыбнулась. — Раз в жизни можно сходить, это не смертельно.

Она надеялась, что мальчик улыбнется в ответ, но он только цыкнул зубом и снова уставился в телевизор.

Нэнси подождала. Чего? Может быть, проявления какого-то интереса к делам, имеющим значение для всей семьи? Даже корыстный вопрос, какие подарки мать привезет из Лондона, и то был бы лучше, чем ничего. Но дети уже забыли о ней и сосредоточили внимание на телеэкране. Она вдруг почувствовала, что этот грохот и вой невыносимы, и поспешила выйти из

комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. В коридоре на нее пахнуло пронизывающим холодом, который шел от каменного пола и поднимался вверх по ледяной лестнице.

Минувшая зима была студеная. Нэнси любила повторять — себе или подвернувшемуся невольному слушателю, — что не боится холода. Она не мерзлячка по натуре. К тому же, рассуждала она, в своем доме холод не чувствуется, всегда столько дел, не успеваешь озябнуть.

Но теперь, после неприятного объяснения с детьми, когда еще предстояло на кухне «сказать пару слов» угрюмой миссис Крофтвей, ее пробрала дрожь, и она плотнее запахнула толстую вязаную кофту, видя, как от сквозняка из щели под входной дверью шевелится у порога вытертый половичок.

Дом, в котором они живут, очень старый, ему не меньше двухсот лет, это бывший дом священника, стоящий на краю живописной деревушки среди Котсуолдских холмов. У Чемберлейнов и почтовый адрес такой: просто «Дом Священника», Бэмуорт, Глостершир. Хороший адрес, одно удовольствие давать его в магазинах: «Запишите за мной — миссис Джордж Чемберлейн, „Дом Священника“, Бэмуорт, Глостершир». Она и бумагу почтовую себе такую заказала в «Хэрродсе»: голубую, а сверху — тисненый адрес. Нэнси вообще придавала значение таким мелочам. Они задают тон.

Они с Джорджем поселились здесь вскоре после свадьбы. Как раз незадолго перед тем прежнему бэмуортскому викарию, видно, ударила кровь в голову, и он восстал, заявив в вышестоящие инстанции, что ни один человек, пусть даже и труженик на духовной ниве, не в состоянии на свое убогое жалованье существовать и содержать семью в таком чудовищно большом, неудобном и холодном жилище. Епархиальные власти подумали-подумали и после посещения архидьякона, который, переночевав там, простудился и чуть не умер от пневмонии, согласились построить для священника новый дом. В результате на противоположном краю деревни был возведен кирпичный коттедж, а старый дом священника объявлен к продаже.

И Джордж с Нэнси его купили.

— Мы его сразу же схватили, — рассказывала Нэнси знакомым, в том смысле, что, мол, вот какие они с Джорджем быстрые и сообразительные. И действительно, дом достался им за

гроши, но, как выяснилось, только потому, что других желающих вообще не было.

— Здесь, конечно, потребуется много работы, но дом — загляденье, в позднегеоргианском стиле... и большой участок... конюшни, денники... и Джорджу до работы, в Челтнем, всего полчаса езды. То есть все идеально.

Дом и вправду был идеален. Для Нэнси, выросшей в Лондоне, он был воплощением грез, расцветших на благодатной почве романов Барбары Картленд и Джорджетты Хейер, которые она поглощала с жадностью. Жить в деревне и быть замужем за деревенским сквайром было пределом ее жизненных устремлений, а перед тем, конечно, непрменный «сезон» в Лондоне и свадьба, и чтобы были подружки невесты, и белые туалеты, и фотография в «Тэтлере». И все у нее сбылось, кроме лондонского «сезона», и прямо из-под венца она оказалась молодой хозяйкой деревенского дома среди Котсуолдских холмов, с конюшней, где содержалась лошадь, и широкой лужайкой, на которой можно устраивать приходские праздники. И с подходящим кругом знакомств. И с собаками соответствующей породы. Муж у нее стал председателем местного комитета консерваторов и во время воскресной утрени зачитывал в церкви отрывки из Библии.

Поначалу все шло хорошо. Денег хватало, старый дом отремонтировали, обустроили, сделали новый белый фасад, провели центральное отопление, Нэнси обставила комнаты викторианской мебелью — мужниным наследством, а свою спальню щедро декорировала воцеными ситцами в цветочек. Но годы шли, росла инфляция, цены на жидкое топливо и жалование работникам увеличивались, нанимать людей для работы в доме и в саду оказывалось труднее и труднее. Содержание этого дома становилось год от года все более тяжелым бременем, и Нэнси иногда казалось, что, пожалуй, они с Джорджем отхватили кусок не по зубам.

Мало этого, оглянуться они не успели, как на них еще навалились кошмарные расходы по обучению детей. Мелани и Руперт были определены приходящими учениками в местные частные школы. Предполагалось, что Мелани останется учиться в своей до окончания второй ступени, но Руперта ждал «Чарльз-орт», закрытая школа, где учился его отец. Мальчика внесли

в список учащихся буквально на следующий день после рождения и одновременно выправили скромную страховку на образование, да только суммы, которую можно будет по ней получить теперь, в 1984 году, не хватит и на железнодорожный билет, чтобы доехать до места.

Однажды, ночуя в Лондоне, Нэнси поделилась своими заботами с сестрой Оливией, надеясь получить от этой деловой дамы практический совет. Но Оливия ей не посочувствовала. Она сказала, что они с Джорджем дураки.

— Закрытые школы — это пережиток. Пошлите его в местную, пусть живет общей жизнью со сверстниками. Это будет полезнее, чем разреженная атмосфера старосветских традиций.

Но это было немыслимо. Ни Джордж, ни Нэнси не допускали даже и мысли о государственном образовании для своего единственного сына. Нэнси иногда втайне даже воображала Руперта в Итоне, а заодно и себя, Четвертого июня, присутствующей на выпускном празднестве, в шляпе с широченными полями; «Чарльзурт» — конечно, школа солидная и знаменитая, а все-таки до Итона чуть-чуть недотягивает. Впрочем, с Оливией Нэнси такими мыслями не поделилась.

— Об этом не может быть речи, — кратко ответила она.

— Тогда пусть он попытается сдать экзамены на государственную или именную стипендию. Пусть сам о себе немного позаботится. Какой смысл вбухивать все свои средства в мальчишку?

Но Руперт не книжная душа. Он не может рассчитывать ни на какие стипендии, и Джордж с Нэнси это отлично знали.

— Ну, если так, — отмахнулась Оливия, — по-моему, у вас нет другого выбора, как продать «Дом Священника» и приобрести себе что-нибудь поменьше. Подумай, какая будет экономия, если вам не придется тратиться на эту старую развалину.

Но такой выход внушал Нэнси еще больший ужас, чем перспектива государственного образования для сына. И не просто потому, что это было бы капитуляцией, отказом от всего, к чему она всю жизнь стремилась. У нее еще шевелилось противное подозрение, что их семья — она сама, и Джордж, и дети, — поселившись в уютном домике где-нибудь на окраине Челтнема, без лошадей, без «Женского института», без комитета консерваторов, без спортивных состязаний и приходских праздников,

сразу потеряют значительность, станут неинтересны теперешним светским знакомым и растают, как тени, отойдя в сонм забытых и ничтожных.

Нэнси снова передернуло от холода. Надо взять себя в руки. Она прогнала гнетущие воспоминания и решительно зашагала по каменным плитам коридора в кухню. Здесь всегда было тепло и уютно — огромная колонка отопления никогда не отключалась. Нэнси иногда, особенно в холодное время года, приходила в голову мысль, что хорошо бы им всем поселиться в кухне... Всякая другая семья на их месте, вероятно, поддалась бы соблазну и проводила зиму здесь. Но они — не всякая семья. Вот мать Нэнси, Пенелопа Килинг, в свое время действительно жила в просторной полуподвальной кухне большого дома на Оукли-стрит — стряпала и кормила домочадцев за большим, начисто выскобленным кухонным столом; здесь же писала письма, и воспитывала детей, и штопала одежду, и даже принимала бесконечную череду гостей. Но Нэнси, которая всегда дулась на мать и в то же время слегка стыдилась ее, была противницей такого теплого и неформального образа жизни. «Когда я выйду замуж, — еще ребенком твердила она себе, — у меня будет гостиная и столовая, как у людей, а на кухню я буду заходить как можно реже».

У них с Джорджем, по счастью, вкусы сошлись. Несколько лет назад, после всестороннего обсуждения, супруги согласились, что удобство завтрака в кухне перевешивает связанное с этим некоторое снижение стандартов. Но дальше этого ни он, ни она идти были не намерены. Так что обеды и ужины подавались в огромной столовой с высокими потолками, за безупречно накрытым столом, при соблюдении всех формальностей, заменяющих домашний уют. Отапливалось это помещение электрическим камином, установленным в углублении настоящего, а когда к ужину бывали гости, Нэнси включала электрический камин заранее, часа за два, и недоумевала, почему дамы являлись к ней, закутанные в шали? Или еще хуже... Был один незабываемый случай, когда Нэнси углядела под жилеткой у гостя, облаченного в смокинг, шерстяной пуловер с глубоким вырезом! Разумеется, этого господина никогда больше не приглашали.

Миссис Крофтвей стояла у раковины и чистила картошку к ужину. Это была женщина высоких достоинств (не то что ее невоздержанный на язык муж), которая исполняла свои обязанности всегда в белом халате, как будто от этого ее стряпня могла стать лучше и вкусней. Нет, конечно. Но, по крайней мере, ее присутствие в кухне означало, что Нэнси не должна сама заниматься готовкой.

Она решила сразу взять быка за рога:

— Кстати, миссис Крофтвей, у меня несколько изменились планы. Я завтра должна ехать в Лондон, встретиться с сестрой. Надо обсудить мамины дела, а это не телефонный разговор.

— Я думала, ваша мама вышла из больницы и снова дома.

— Верно. Но я вчера разговаривала по телефону с ее врачом, и он говорит, что ей не следует больше жить одной. Инфаркт не обширный, и она очень быстро поправилась, но все-таки... нельзя полагаться...

Она рассказывала все это миссис Крофтвей не потому, что ожидала от нее поддержки или даже обыкновенного сочувствия. Просто разговаривать о болезнях эта женщина очень любила, и Нэнси рассчитывала таким образом привести ее в благосклонное расположение духа.

— Моя мать перенесла инфаркт, так она после него до того переменилась, узнать было нельзя. Лицо посинело, руки распухли, обручальное кольцо пришлось на пальце распиливать.

— Я этого не знала, миссис Крофтвей.

— И с тех пор одна она уже жить не могла. Мы с Крофтвеем взяли ее к себе, отдали ей лучшую комнату окнами в палисадник, но я намучилась, уж и не расскажешь как! Целый день бегала вверх-вниз по лестнице, а она чуть что — палкой в пол колотила. Я просто в клубок нервов превратилась, доктор говорил, что никогда не видел женщины с такими нервами. Он положил мать в больницу, и она там померла.

На этом печальное повествование окончилось. Миссис Крофтвей снова принялась за картофель, а Нэнси неуклюже пролепетала:

— Очень... прискорбно. Я понимаю, как вам трудно пришлось. Сколько же лет было вашей матери?

— Без одной недели восемьдесят шесть.

— Ну-у... — Нэнси постаралась принять бодрый тон. — Нашей маме только шестьдесят четыре, так что я уверена, она еще будет здорова.

Миссис Крофтвей швырнула очищенную картофелину в кастрюлю и обернулась к Нэнси. Она редко глядела собеседнику в лицо, но тому, кому доводилось встретиться с ней взором, становилось страшно: глаза у нее были почти белые, немигающие.

Относительно матери Нэнси, миссис Килинг, у миссис Крофтвей имелось собственное мнение. Они хоть и виделись только однажды, когда та в кои-то веки приезжала погостить в «Дом Священника», ну, да миссис Крофтвей много и не надо. Длинная такая дылда, глаза чернющие, как у цыганки, и одета в такое, что впору старьевщику отдать. А гонору-то! Явилась в кухню посуду, видите ли, мыть, когда у миссис Крофтвей во всем свой подход, она не выносит, чтобы в ее дела лезли посторонние.

— Надо же, у нее инфаркт оказался, — сказала она. — А на вид здоровая такая.

— Да, — слабым голосом подтвердила Нэнси. — Это была полная неожиданность. Для всех нас, — добавила она благочестивым тоном, словно матери уже нет в живых, и теперь о ней можно говорить тепло.

Миссис Крофтвей поджала губы.

— Неужто ей всего шестьдесят четыре? — недоверчиво переспросила она. — А на вид старше. Я думала, ей уже за семьдесят.

— Нет, шестьдесят четыре.

— А вам тогда сколько же?

Это было уже чересчур. Нэнси вся сжалась от возмущения и почувствовала, что у нее запылали щеки. Ей так хотелось набраться храбрости и приструнить эту женщину, сказав, чтобы та не совала нос куда не просят! Но миссис Крофтвей могла разозлиться и вместе с мужем уйти от них, а что тогда Нэнси делать одной с садом, лошадьми, огромным домом и прожорливым семейством?

— Мне... — Она вдруг охрипла, прокашлялась и начала заново: — Мне, вообще-то, сорок три.

— Всего только? А я бы вам меньше пятидесяти не дала.

Нэнси усмехнулась, превращая все в шутку, — что же ей еще было делать?

— Вы не слишком-то мне льстите, миссис Крофтвей.

— Это все полнота ваша, вот в чем дело. Хуже нет, когда фигуру разнесет, сразу старишься. Надо вам на диету садиться... Толстеть вредно, эдак еще, глядишь, — она залилась квакающим смехом, — и вас тоже инфаркт разобьет.

«Я вас ненавижу, миссис Крофтвей. Я вас ненавижу».

— На этой неделе в журнале «Вуменз оун» хорошая диета была напечатана... Первый день съедаешь один грейпфрут, второй — один йогурт. Или, может, наоборот, не помню... Могу, если хотите, вырезать и вам принести.

— Вы очень любезны. Может быть. Пожалуй, — пробормотала Нэнси дрожащим голосом. Потом взяла себя в руки, выпрямилась и сумела положить конец этому совершенно не туда зашедшему разговору. — Да, миссис Крофтвей, я, собственно, хотела с вами договориться насчет завтрашнего дня. Я еду поездом на девять пятнадцать, так что прибраться перед отъездом не успею, придется уж вам по возможности... и будьте так добры, накормите, пожалуйста, собак, хорошо?.. Я оставляю им еду в мисках. И потом, может быть, вы их выведете немного побегать по участку?.. И еще... — Она торопилась перечислить все поручения, прежде чем миссис Крофтвей успеет возразить. — И пожалуйста, передайте от меня Крофтвею, чтоб он отвез подковать Молнию, кузнец нам назначил на завтра, и я не хотела бы пропускать.

— Ну, — покачала головой миссис Крофтвей, — уж и не знаю, как он один сумеет ее в клетку завести...

— Сумеет, не в первый раз... А вечером, когда я вернусь, хорошо бы баранины на ужин, котлеты или что-нибудь... И чтобы Крофтвей дал своей замечательной брюссельской капусте...

С Джорджем Нэнси удалось поговорить только после ужина. Раньше не было ни одной свободной минутки, столько хлопот — усадить детей за домашние уроки, найти балетные туфельки Мелани, потом накрыть ужин, потом убрать со стола, потом позвонить жене vicария, чтобы завтра вечером ее,

Нэнси, в «Женском институте» не ждали, и еще тысяча всяких мелочей, прежде чем появилась возможность поговорить с мужем, который домой приезжает не раньше семи и слышать ничего не хочет, пока не насидится у камина с газетой и стаканчиком виски.

Но вот наконец со всеми делами было покончено, и Нэнси присоединилась к мужу, отдыхающему в «библиотеке». Входя, она с силой закрыла за собой дверь в надежде, что муж услышит и поднимет голову, но он даже не выглянул из-за своей «Таймс». Тогда она подошла к столику с напитками, налила себе виски и, пройдя через всю комнату, уселась во второе кресло, по другую сторону от камина. Нэнси знала: если промедлить еще немного, муж протянет руку, включит телевизор и начнет смотреть последние известия.

Поэтому она твердо произнесла:

— Джордж.

— Угу?

— Джордж, оторвись на минуту и послушай.

Он дочитал фразу и с неохотой опустил газету. Мужу Нэнси было уже за пятьдесят, но выглядел он еще старше: волосы седые и с залысинами, на носу — очки без оправы, темный костюм, темный галстук. Господин в летах. Адвокат, он заботился о том, чтобы его внешность соответствовала его занятию, очевидно надеясь таким способом внушить доверие клиентам, но Нэнси иногда думала, что, может быть, если бы он прифрантился немного, носил хороший твид и очки в роговой оправе, у него и дела, наверное, шли бы лучше. Потому что эти края, с тех пор как рядом было проложено Лондонское шоссе, сделались очень модными. Здесь стала селиться обеспеченная публика, старые фермы за бешеные цены переходили в руки новых хозяев, самые ветхие развалюшки раскупались и перестраивались в комфортабельные загородные коттеджи. Агенты по недвижимости и строительные объединения процветали и богатели, в самых заштатных городишках открывались дорогие магазины, и Нэнси просто не могла понять, почему от этого благоденствия не может перепасть и юридической конторе «Чемберлейн, Плантавелл и Ричардс»? Ведь стоит только руку протянуть... Но Джордж был старомоден, упрямо держался тради-

ций и панически боялся перемен. К тому же он был осторожен и подозрителен. Он спросил:

— Ну, что я должен слушать?

— Я завтра еду в Лондон, встречаюсь за обедом с Оливией. Нам надо посоветоваться насчет мамы.

— А в чем дело теперь?

— Ох, Джордж, неужели ты не знаешь, в чем дело? Ведь я тебе рассказывала. Мамин врач считает, что ей нельзя больше жить одной.

— И что вы в связи с этим намерены предпринять?

— Н-ну... надо найти ей экономку. Или компаньонку.

— Ей это не понравится, — заметил Джордж.

— Да... И кроме того, даже если мы и подберем кого-то... хватит ли у мамы денег платить? Хорошая помощница стоит фунтов сорок или пятьдесят в неделю. Я знаю, мама получила колоссальную сумму за наш старый дом на Оукли-стрит, и в «Подмор Тэтч»¹ ей не понадобилось вложить ни фартинга, кроме как на постройку этого дурацкого зимнего сада. Но ведь те деньги в ценных бумагах, их трогать нельзя. Как же она будет оплачивать экономку?

Джордж заерзал в кресле, дотянулся до своего виски и ответил:

— Понятия не имею.

Нэнси вздохнула.

— Она такая скрытная и такая самостоятельная! Не дает возможности себе помогать. Если бы только она нам доверилась и поручила тебе вести дела, у меня лично камень бы с плеч свалился. В конце концов, я у нее старшая, а ни Оливия, ни Ноэль пальцем не шевельнут, чтобы помочь.

Все это Джордж уже неоднократно слышал.

— А ее... э-э... приходящая? Миссис... как бишь ее?

— Плэкетт. Она приходит только три раза в неделю по утрам убирать, у нее свой дом и семья.

Джордж поставил стакан. Он сидел лицом к огню, сложив пальцы шалашом, кончик к кончику. Помолчав, он проговорил:

— Не вижу причин так уж нервничать.

¹ «Соломенная крыша Подмора».

Он словно урезонивает тупого клиента! Нэнси обиделась.

— А я и не нервничаю.

Он пропустил ее реплику мимо ушей.

— Что тебя беспокоит? Только деньги? Или же ты опасешься, что не найдется такой самоотверженной женщины, которая бы согласилась жить с твоей матерью?

— И то и другое, — вынуждена была признать Нэнси.

— И чего же ты ждешь в этой ситуации от Оливии?

— По крайней мере, она может со мной все обсудить. Она в жизни ничего не сделала для мамы... да и ни для кого из родни, если на то пошло, — с горечью добавила Нэнси. — Когда мама решила продать дом на Оукли-стрит и объявила, что уедет жить обратно в Корнуолл, в Порткеррис, я одна приняла адво-вы муки, убеждая ее, что это было бы безумием. И она все равно бы, наверное, туда уехала, если бы ты не нашел ей «Подмор Тэтч». Так она поблизости от нас, в каких-то двадцати милях, и мы можем за ней присматривать. А если бы она, со своим больным сердцем, была сейчас в Порткеррисе, бог знает как далеко? Мы бы понятия не имели, что с ней!

— Давай не будем отвлекаться от темы, — адвокатским тоном предложил Джордж.

Нэнси не обратила внимания на его слова. Несколько глотков виски согрели ее и разворошили угли старых обид.

— А Ноэль так вообще, можно сказать, забыл мать, после того как продали дом на Оукли-стрит и ему пришлось отселиться. Для него это был чувствительный удар. Дожил до двадцати трех лет и никогда не платил за квартиру! Ни единого гроша не давал матери, питался за ее счет, пил ее джин, жил на дармовщину! Воображаю, как ему понравилось, когда пришлось обеспечивать себя самому!

Джордж тяжело вздохнул. Он был такого же невысокого мнения о Ноэле, как и об Оливии. А теща, Пенелопа Килинг, всю жизнь оставалась для него загадкой. Надо же, чтобы такая совершенно нормальная женщина, как Нэнси, была отпрыском столь странного семейства, это просто удивительно!

Он допил свое виски, встал с кресла, подложил в огонь полено и пошел налить себе еще. Звякнул стаканом и сказал с другого конца комнаты:

— Допустим худшее. Допустим, у твоей матери не окажется средств на экономку. — Он возвратился к камину и опять уселся в кресло напротив жены. — Допустим, что тебе не удастся найти человека, который возьмет на себя труд составить ей компанию. Что тогда? Предлагаешь, чтобы она поселилась у нас?

Нэнси представила себе бесконечные претензии миссис Крофтвей, неизбежные жалобы детей на строгую бабушку. Вспомнила про мамашу миссис Крофтвей, как той пришлось распилить обручальное кольцо и как она лежала в кровати и колотила палкой в пол...

И она ответила со слезами в голосе:

— Мне кажется, я этого не вынесу.

— Я тоже, — признался Джордж.

— Может быть, Оливия...

— Оливия? — скептически повторил Джордж. — Чтобы Оливия даже близко подпустила кого-нибудь к своей личной жизни? Ты смеешься.

— Ну а Ноэль тем более исключается.

— По-моему, все исключается. — Джордж украдкой сдвинул манжет и посмотрел на часы. Он не собирался пропускать вечерние новости. — И я не могу предложить ничего дельного, пока ты не разберешься с Оливией.

Нэнси опять оскорбилась. Они с Оливией не очень близки, это правда... в сущности, у них нет ничего общего... но слово «разберешься» ее неприятно задело. Как будто они с сестрой всю жизнь только и делают, что выясняют отношения. Она раскрыла было рот, чтобы выразить Джорджу свое неудовольствие, но он опередил ее, включив телевизор и тем самым положив конец супружеской беседе. Было ровно девять часов, и он приготовился насладиться своей ежедневной дозой забастовок, бомб, убийств и финансовых катастроф, а на закуску сообщением о том, что завтра с утра ожидается холод и после обеда над всей страной пройдут дожди.

Нэнси, отчаявшись, посидела немного, потом встала с кресла. Джордж, по-видимому, даже не понял, что она предпринимает решительный шаг. Нэнси подошла к столику с напитками, снова щедрой рукой наполнила свой стакан и вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Поднявшись по лестнице,

она прошла через спальню в ванную, заткнула пробкой ванну, открыла краны, налила себе ароматной эссенции с той же щедростью, что и виски. И пять минут спустя уже предавалась своему самому любимому занятию: лежа в горячей ванне, пить холодное виски.

Утопая в мыльной пене, среди клубов горячего пара, Нэнси упивалась жалостью к самой себе. Роль жены и матери так неблагодарна! Ты посвящаешь жизнь мужу и детям, уважительно обращаешься с прислугой, не оставляешь заботами лошадей и собак, ведешь дом, покупаешь продукты, стираешь — ну и где спасибо? Кто тебя ценит?

Никто.

На глаза Нэнси навернулись слезы, смешиваясь с мыльной водой и паром. Ей так хотелось признания, любви, ласки, хотелось, чтобы ее кто-то обнял, приголубил и сказал, что она удивительная, что она все делает великолепно!

В ее жизни был только один человек, на которого всегда можно положиться. Конечно, когда-то и папа был с ней очень мил, но вот кто действительно постоянно поддерживал ее веру в себя и во всех случаях принимал ее сторону, так это Долли Килинг, ее бабушка.

Долли Килинг никогда не ладила с невесткой, была равнодушна к Оливии и недолюбливала Ноэля, а вот Нэнси, свою любимицу, обожала и баловала. Когда, бывало, Пенелопа собиралась отправить старшую дочь в гости, одетую в старомодный батистовый балахончик с чужого плеча, вмешивалась бабушка Килинг и покупала пышное платье из органди с рукавами фонариком. Долли восхищалась красотой Нэнси, водила ее в кондитерские и в театр на пантомимы...

Когда Нэнси обручилась с Джорджем, в семье начались скандалы. Отец к этому времени уже не жил с ними, а мать никак не могла взять в толк, почему дочери непременно нужна традиционная «белая» свадьба, с подружками, шаферами во фраках и приемом в ресторане? Пенелопе все это представлялось дурью и пустой тратой денег. Разве не лучше скромно обвенчаться в присутствии родных, а потом устроить праздничный обед за большим столом в полуподвальной кухне на Оуклестрит? Или в саду. Сад при доме большой, места уйма, и розы уже расцветут.

Пилчер Р.

П 32 Собиратели ракушек : роман / Розамунда Пилчер ; пер. с англ. И. Архангельской, И. Бернштейн, Ю. Жуковой, Г. Здорных. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 640 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-14060-8

У Пенелопы Килинг, дочери известного в Европе и за океаном художника Лоренса Стерна, за плечами долгая, богатая впечатлениями жизнь: богемное детство в Лондоне, несчастливое замужество во время войны и единственный мужчина, которого она любила по-настоящему. У нее трое детей, разных по характеру и отношению к жизни, но Пенелопа научилась принимать их такими, какие они есть. Однажды женщина узнает, что написанная отцом картина «Собиратели ракушек», хранящаяся у нее в доме, стоит целого состояния. Это и становится пробой матери и детей на прочность и одновременно точкой отсчета будущего семейства Килинг...

Жизнь трех поколений английской семьи — война и мир, лирика и драма, падение и катарсис — проходит перед глазами читателей. Яркий, атмосферный роман, написанный Розамундой Пилчер, имел феноменальный успех и сразу же принес автору мировую известность. Большинство ее произведений экранизировано, а общий тираж книг писательницы перевалил за 60 миллионов экземпляров.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОЗАМУНДА ПИЛЧЕР
СОБИРАТЕЛИ РАКУШЕК

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Антиповой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.11.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-22274-05-R